

Таким образом, если в прежнем порядке критической процедуры эталон оказывался вне критики (его следовало воспринимать как абсолютную ценность, как инструмент, а не объект анализа), то на современном этапе эталон делается из самих объектов критики, но эталон предельно подвижный, столь же ситуативный, как и различные трактовки глобализационных процессов.

По-видимому, для критического отношения к процедурам использованию эталона в качестве способа познания реальности в модернизирующемся обществе есть и прагматический мотив. Теоретическое знание эталона рождает стремление следовать ему и на практике, а часто превращается в имитацию. А как справедливо заметил отечественный политолог и историк И.М. Клямкин, «при имитационной демократии может накапливаться как протест против имитации, так и протест того, что имитируется, то есть против самой демократии»¹⁵. Заметим, что сравнительные исследования и у нас в стране, и за рубежом имеют давнюю традицию и достаточно отработанную методологию, поэтому можно предположить, что анализируемая нами тенденция получит свое развитие. Но в данном случае сравнение имеет специфическую цель, отличную от той которую обычно преследуют компаративные процедуры. Не ставится задача поиска общих характеристик, которые можно было бы затем свести в модель и экстраполировать ее на другие изучаемые системы, использовать как идеально-типический эталон. В данном случае подчеркивается уникальность каждого образчика социально-политического опыта как одного из многих вариантов «ошибок», между которыми политическим субъектам предлагается выбирать для определения стратегии и тактики своего поведения в глобализующемся сообществе цивилизаций.

УДК 323.3

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.М. Суханов

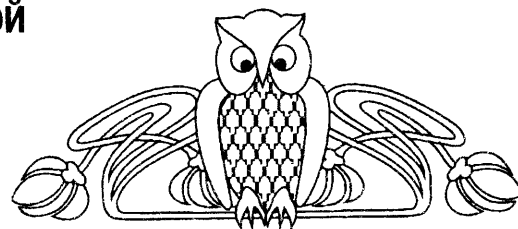
Башкирский государственный университет
проректор
E-mail: sovetnik@bsu.bashedu.ru

Статья посвящена различным аспектам политической идентичности, отраженным в научных исследованиях в постсоветской России. На основе рассмотрения значительного пласта литературы, выделены отдельные направления исследования проблем политической идентичности, даны оценки достигнутых результатов, выделены наиболее перспективные сюжеты дальнейшего анализа.

© В.М. Суханов, 2008

Примечания

- ¹ Результативность обращения отечественных исследователей к западному демократическому опыту, представленному в виде эталона, подробно представлена в монографии и докторской диссертации И.В. Андроновой (См.: Андропова И.В. Политико-правовые и социокультурные условия становления гражданского общества в современной России. Саратов, 2004. С. 41–60).
- ² Россия: социокультурные ограничения модернизации // *Общественные науки и современность*. 2007. № 5. С. 87–102, 88.
- ³ *Ионин Л.Г.* Консервативная геополитика и прогрессивная глобалистика // *Отечественная история*. 1998. № 3. С. 34–43, 41.
- ⁴ Россия: социокультурные ограничения модернизации // *Общественные науки и современность*. 2007. № 5. С. 87–102, 98.
- ⁵ Россия: социокультурные ограничения модернизации // *Общественные науки и современность*. 2007. № 5. С. 87–102, 89.
- ⁶ *Шупер В.А.* Восстание цивилизованных масс: чего ждать России от Запада // *Мир России*. Серия: Социология. Этнология. М., 2001. № 1. С. 25–34, 26
- ⁷ *Красильщиков В.А.* Латинская Америка сегодня – Россия завтра (оптимистический вариант будущего России) // *Мир России*. Сер. Социология. Этнология. М., 2002. № 1. С. 57–96.
- ⁸ Там же. С. 58.
- ⁹ Там же. С. 58–59.
- ¹⁰ Там же. С. 60.
- ¹¹ Там же. С. 67.
- ¹² Там же. С. 68–69.
- ¹³ Там же. С. 71.
- ¹⁴ *Политическое будущее России: взгляд из региона*. Саратов, 2007.
- ¹⁵ Россия: социокультурные ограничения модернизации // *Обществ. науки и современность*. 2007. № 5. С. 87–102, 100.

Problems of Social and Political Identity in the Social-Science Literature in Modern Russia

V.M. Sukhanov

The paper is devoted to various aspects of political identity reflected in scientific papers in the post-Soviet Russia. On the basis of

consideration of a significant layer of the literature, separate directions of research of the political identity problems are pointed out, the achieved results are estimated, most perspective topics for further analysis are outlined.

Одной из актуальных проблем современной России выступает политическая идентификация в условиях сложных по этническому и конфессиональному составу регионов. Своими корнями она уходит вглубь российской истории, но особенно актуализировалась в 1990-е гг., когда реально встал вопрос о сохранении России как единого полиэтничного государства.

Этническая и региональная идентичности в этот период становятся доминантой процессов формирования политической идентичности на постсоветском пространстве. Интенсивность и направление идентификации в субъектах Российской Федерации определялись историческими и культурными предпосылками, получившими свое ситуационное развитие в рамках регионального политического процесса. В свою очередь, эти процессы оказали существенное влияние на трансформацию общественного сознания и региональную политическую идентичность.

По данным опросов, проведенных в 1994–1995 гг. в целом ряде российских республик, с регионом в большей степени, чем с Россией, себя идентифицировали 85,7% сельских и 59% городских татар, 80,1% якутов, 63,7% тувинцев, 55,3% осетин. Остальные представители титульных народов имели двойную идентичность, и почти никто не выбрал только российскую идентичность¹.

Другим характерным явлением стало позитивное отношение к выходу из состава России. Согласно опросам 1994 г., проведенным на Северном Кавказе, эту идею поддержали 71% чеченцев, 27% ингушей, 17% карачаевцев, 12% адыгейцев, 7% черкесов и 5% осетин². Любопытно, что многие русские в республиках тоже выбирали региональную идентичность. По данным тех же опросов 1994–1995 гг. региональную идентичность предпочли общероссийской 48,1% русских Якутии, 20,3% – Татарстана, 13,3% – Тувы, 6,7% – Северной Осетии. Как видим, результат существенно ниже, чем для титульных народов, и ниже, чем для русских в краях и областях, но тенденция все же имела место³. Объяснить ее можно не только высокой степенью укорененности русских в республиках, длительным опытом совместного проживания с титульным населением, но и общим недовольством регионов социально-экономической политикой, проводимой федеральным центром в данный период. Неслучайно в это время надписи «Москва – не Россия» на заборах вдоль железнодорожных путей можно было увидеть в самых разных русских областях России.

Изменение политической ситуации в 2000 г., трансформация российской политической системы и укрепление вертикали власти предопределили

изменение отношений «центр–регион», что в конечном итоге привело к изменению ориентиров в региональном общественном сознании. Стремление к интеграции в структуру общероссийской идентичности пришло на смену доминирующей этноцентричности. Тем не менее проблемы региональной политической идентичности остаются и требуют объективного научного исследования.

Контекстом российских идентификационных процессов выступают тенденции интеграции европейского и всего мирового сообщества. Однако и они сопровождаются усложнением внутренней социальной структуры национально-государственных образований. Глобальные процессы перемещения представителей различных рас, этносов и конфессий актуализируют данную проблему, в том числе и для прежде гомогенных с точки зрения этнополитической и соответственно цивилизационной идентичности, государств Западной Европы.

Неслучайно различные аспекты проблем идентичности исследовали многие известные западные ученые⁴. Основное внимание авторы уделяют прежде всего самому понятию этноса и нации, проблемам ранжирования этнической, гражданской и политической идентичности. Важное место занимают также вопросы цивилизационной идентичности, появляющиеся противоречия и столкновения и пути их решения.

Известный теоретик «радикальной демократии» Шанталь Муфф сформулировал проблематику в этой научной области с помощью следующих вопросов: «Как концептуализировать наши идентичности в качестве индивидов и в качестве граждан так, чтоб одна не приносилась в жертву другой? Как сделать нашу принадлежность к различным сообществам ценностей, языка, культуры и т.д. совместимой с нашей общей принадлежностью к политическому сообществу, правила которого мы должны принимать? Иными словами, речь идет о поиске таких форм общности, которые уважали бы разнообразие и давали бы место различным формам индивидуальности. Проблема, таким образом, в том, как сочетать наши индивидуальные идентичности с правилами и нормами *гражданского поведения*. Это значит, что, говоря о *политике идентичности*, мы говорим не столько о *политике* как таковой, сколько о *культурном измерении политики*»⁵. Представляется, что такой подход актуален и для современной российской действительности.

Тема идентичности стала предметом исследования многих российских обществоведов, условно их можно разделить на несколько направлений.

Важнейшее место занимают исследования, посвященные этнонациональным сюжетам политической идентичности в России⁶. Эта проблема неразрывно связана с теорией этноса, а также с различными подходами к изучению этничности и этнических групп. Как и всякая иная идентичность, этническая носит относительный характер

и основывается на восприятии «нас», которые могут существовать только благодаря отграничению от «них». Это вовсе не значит, что такое отношение «мы»/«они» – это отношения – друг/враг, свой/чужой, т.е. антагонистические отношения. Но такая идентификация открывает потенциальную возможность того, что при определенных условиях отношения между «нами» и «ими» могут стать антагонистическими. Это происходит, когда «они» воспринимаются как ставящие под вопрос «нашу» идентичность и угрожают нашему существованию. В этом случае менталитет этнонационалиста включает установку на «исторический реванш, даже если речь идет о реалиях, удаленных не на одну сотню лет. Он видит мир сквозь призму интересов общего – своего этноса, выталкивая из поля зрения едва ли не все, что связано с единичным – естественными правами личности»⁷.

Другое направление анализа проблем идентичности отражает политико-правовой контекст ее развития и взаимосвязь с социальной структурой⁸. В данных работах проблемы социально-политической идентичности, процессы ее формирования, внутренней инвариантности рассматриваются прежде всего в контексте социальной детерминации. В этом случае под социальной идентичностью понимается осознанная включенность человека и отождествление себя с некоторыми первичными общностями: семья, друзья, трудовой коллектив. Этот уровень идентичности отражает микросоциальный уровень жизнедеятельности человека в некотором наборе его социальных ролей и статусов. В более широком смысле под социальной идентичностью понимается фиксированное интегрированное представление человека о себе в качестве собирательного образа этнических, культурных, политических и других характеристик. В этом случае речь идет о макросоциальном соотношении личности. Субъект закономерно начинает свое соотношение с малых и раздробленных структур микросоциальной среды, постепенно доходя до макросоциальных характеристик (гендерное, языковое, культурное, этническое, религиозное, профессиональное, гражданское, социально-статусное, географическое, региональное, идеологическое, экономическое соотношение). Высшим показателем макросоциальных характеристик выступает политическая идентичность.

Важное место занимает исследование социокультурных и цивилизационных оснований идентичности⁹. Например, Н. Тихонова утверждает, что «гражданская нация может сформироваться только в обществе, прошедшем этап модернизации. Россия же этап социокультурной и политической модернизации не только не прошла, но лишь начинает двигаться по этому пути»¹⁰. Это значит, что наиболее характерным типом национальной идентичности в России сегодня выступает конвенциональная идентичность, предполагающая принятие единых правил игры, закрепленных в

национальной культуре, и это одна из наиболее характерных особенностей российской национальной культуры в целом. Причем для признания человека «своим» неважна его этническая идентичность – он должен лишь вне зависимости от нее принять эти правила игры как свои, поскольку именно они, по мнению россиян, в наибольшей степени соответствуют условиям России и служат ей во благо¹¹.

По мнению ряда исследователей, решение российских проблем идентичности возможно лишь в контексте мультикультурализма. Преобладающая часть сторонников данного подхода оценивают мультикультурализм как «особую форму интегративной, либеральной идеологии, посредством которой полиэтничные, поликультурные национальные сообщества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни»¹². Данная установка рассматривается российскими мультикультуралистами как единственно возможная основа для создания демократических политико-правовых механизмов согласования разнородных интересов этноконфессиональных групп в рамках единого государства. Однако смысл и содержание этой основы в контексте региональной политической идентичности трактуется неоднозначно.

По мнению Л. Низамовой, мультикультурализм обладает положительными либеральными свойствами и функциями благодаря способности обеспечить реализацию «долгого время несправедливо забытых коллективных прав и свобод (например, групповых интересов признания, идентичности, языка и культурного членства), способствовать поддержанию межкультурной толерантности и содействовать сохранению социального согласия за счет гармоничного взаимодействия этнокультурных групп и их интеграции в национальное сообщество»¹³. Таким образом, акцент делается на необходимости политико-правового обеспечения консолидированных социокультурных интересов титульных этнических групп на территории республик, автономных областей и округов. В этом случае очевидно, что в основе региональной политической идентичности и политического участия граждан будет лежать не идеология, не мировоззрение, не определенная иерархия ценностей, а прежде всего этничность. Свидетельством тому, как это происходит на практике, является ситуация с представительством титульных этносов во власти в субъектах Российской Федерации.

В то же время нельзя не согласиться с автором в том, что мультикультурализм можно определить как «идеологию, политику и социальный дискурс, признающие правомерность и ценность культурного плюрализма, уместность и значимость многообразия и разноликости культурных форм (например, этнических культур, религиозных и расовых сообществ). В контексте мульти-

культурализма непохожесть и отличительность перестают рассматриваться как второсортное и “чуждое”, они начинают оцениваться просто как «другое»¹⁴.

Думается, что именно такое понимание мультикультурализма позволяет свести к одному вектору две противоречивые, но одинаково важные задачи: с одной стороны, создать условия для воспроизводства и развития этнических культур, независимо от места проживания их представителей; с другой – последовательно и целенаправленно проводить деэтнизацию политико-правовых отношений и соответственно политической идентичности. Причем следует подчеркнуть, что речь идет не о том, что должна осуществляться «маргинализация этничности и исключение ее из сферы публичного»¹⁵, а именно о деэтнизации политической идентичности. Ее стратегическая цель заключается в том, чтобы каждый индивид, независимо от этнической, конфессиональной и региональной принадлежности, осознавал бы себя прежде всего гражданином Российской Федерации, у которого есть неотъемлемые права и свободы, в том числе и на этнокультурную идентичность и самовыражение.

Большое внимание уделяется анализу идеологического фактора идентичности¹⁶. В рамках данного направления акцент делается на регулятивной роли различных субъектов политики в формировании идентичностей различного уровня.

Значительное количество исследований посвящены изучению особенностей региональной идентичности. Внимание исследователей привлекают теоретико-методологические аспекты проблемы, соотнесение общефедеральной и региональной идентичности, факторы, определяющие их эволюцию, роль этничности и социально-экономических особенностей¹⁷.

Другую группу работ представляют исследования политической идентичности конкретных российских регионов¹⁸. Особенно активно исследовалась проблема региональной идентичности в Татарстане, процессы становления которой характеризовались повышенной остротой противостояния с Москвой¹⁹. Анализ данных исследований позволяет выделить ряд особенностей региональной идентичности. Большинство авторов отмечает такое ее свойство, как иерархичность идентичности, т.е. включение нескольких уровней, каждый из которых отражает принадлежность к разным территориям. Причем региональная идентичность отдельных лиц и групп отличается по степени интенсивности, по месту, которое она занимает в ряду других идентичностей, и по той роли, которую играет в политической и социально-экономической жизни.

Тем не менее, несмотря на достаточно большое количество работ по проблемам политической идентичности, тема себя не исчерпала и не утратила актуальности в связи с тем, что слож-

ный и противоречивый процесс общественно-политических преобразований в постсоветской России постоянно на различных уровнях и вскрывает разнообразные застарелые проблемы в этой области и новые противоречия, детерминированные ситуацией переходного состояния.

Кроме того, проблемы региональной политической идентичности в каждом субъекте Российской Федерации представляют собой конкретную совокупность обстоятельств и детерминируются уникальным сочетанием исторического наследия региона, особенностей этноконфессионального состава его населения, социально-экономического положения, специфики образа жизни, традиций, культуры, состоянием этнических элит и многих других факторов. В связи с этим исследование данной проблемы требует анализа не только общероссийских тенденций, но и выявления конкретных особенностей и специфического проявления региональной политической идентичности в каждом субъекте Российской Федерации.

Еще один фактор актуализации данной научной проблемы заключается в том, что в отличие от других бывших советских республик Российская Федерация все эти годы наращивала этническое, религиозное и культурное многообразие.

Важную роль играет также то обстоятельство, что специфика региональной политической идентичности в современных условиях определяется не только особенностями российской политической системы, но и существенным воздействием процессов глобализации, а также геополитическими интересами ведущих держав мира.

Одним из перспективных является направление исследовательской работы, заданное В.Г. Федотовой²⁰, согласно которому наиболее осязаемым итогом научных дискуссий в зарубежной и отечественной науке о сути глобализации и о ее последствиях для регионального развития явилось формирование парадигмы «хорошего общества». Суть ее заключается в попытке «сконструировать» социум на основе конвергенции лучших черт, присущих разным обществам. «Она возникает в связи с исчерпанием доверия к радикальным проектам, будь они неолиберальные, коммунистические или какие-либо еще. Появляется задача перевести указанные эмпирические и нормативные признаки хорошего общества в теоретические». Региональные идентичности в этом случае могут быть представлены в качестве тех самых элементов, из которых в годы российских демократических реформ регионы конструировали собственные модели «хороших обществ».

Примечания

¹ См.: Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 1995.

² Сеть этнологического мониторинга и раннего пред-

- упреждения конфликтов: Бюл. 1995. № 7. Ноябрь. С. 48–49.
- ³ Туровский Р. Региональная идентичность в современной России. Российское общество: становление демократических ценностей? / Под ред. М. Макфола и А. Рябова. М., 1999. С. 101–102.
- ⁴ Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двумысленность идентичности. М., 2004; Росалес Х.М. Воспитание гражданской идентичности: об отношениях между национализмом и патриотизмом // Полис. 1999. № 6. С. 93–104; Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // <http://www.hrighs.ru/hrighs/text/b/Chapter5.htm>, 2000; Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004; Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
- ⁵ Муфф Ш. Пространства публичной полемики, демократическая политика и динамика настроений // http://2nd.moscowbiennale.ru/ru/muff_doklad1/
- ⁶ Абдулатипов Р.Г. Российская нация (этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях). М., 2005; Авксентьев В.А. Этнополитическая идентичность в постсоветской России как фактор конфликтности // Сб. науч. тр. Сер.: Гуманитарные науки. Ставрополь, 2004; Дробижнева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. М., 2002;
- ⁷ Бажанов В.А. О феномене этнонационализма. Может ли Татария быть катализатором общероссийских тенденций? // Наука, культура, высшее образование на пороге XXI века. Ульяновск, 1998. Вып. 4. С. 29.
- ⁸ Брудный И.М. Политика идентичности и посткоммунистический выбор России // Полис. 2002. № 1. С. 87–104; Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / Под ред. О.Ю. Малиновой, А.Ю. Сунгурова. СПб., 2005;
- ⁹ Кочетков В.В. Цивилизационная идентичность России // Вестн. МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2006. № 3; Семенов И.С. Культурные факторы и механизмы формирования российской национально-цивилизационной идентичности на рубеже XXI в. // Полис. 2004. № 1. С. 101–114;
- ¹⁰ Тихонова Н. Постимперский синдром, или Поиск новой идентичности? // После империи / Под ред. И.М. Клямкина. М., 2007. С. 158.
- ¹¹ Там же. С. 172.
- ¹² Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб., 2000. С. 7.
- ¹³ Низамова Л. Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: Материалы конф. Казань, 2–3 июня 2004 г. / Под ред. А. Малашенко. М., 2005. С. 10.
- ¹⁴ Там же. С. 14.
- ¹⁵ Там же. С. 29.
- ¹⁶ Волков Ю.Г. Гуманистическая идеология и формирование российской идентичности. М., 2006; Громыко Ю.В. Антропология политической идентичности. М., 2006; Фадеечева М.А. Идеология и дискурсивные практики «нашизма» в современной России // Полис. 2006. № 4. С. 53–60.
- ¹⁷ Баранов А.В. Региональная политическая идентичность: методы исследования // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения: Материалы Всерос. науч.-метод. семинара. Краснодар, 2004; Большаков С.Н. Проблемы региональной идентичности в российском политическом пространстве // Управленческое консультирование. 2003. № 1; Дробижнева Л.М. Этническая и республиканская идентичность: проблемы совместимости // Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть. М., 2003; Задорожнюк И., Лаврик Э. Централизм, самоуправление и региональная идентичность славянства // Свободная мысль. 2007. № 1. С. 177–192; Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социс. 2005. № 3; Лебедева Н.М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность / Под ред. Н.М. Лебедевой. М., 2002; Мелешкина Е.Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999; Туровский Р. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей. М., 1999; Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. СПб., 2003.
- ¹⁸ Азметова Р.Ф. Структура этнических и гражданских идентичностей в Башкортостане // Человек. 2007. № 5. С. 57–60; Ачкасов В.А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус» // Политэкс. 2005. № 3; Берендеев М.В. Кто мы? Калининградцы в поисках идентичности // Социс. 2007 № 4; Колосов В.А., Галкина Т.А., Криндач А.Д. Территориальная идентичность и межэтнические отношения (На примере восточных районов Ставропольского края) // Полис. 2001. № 2. С. 61–77;
- ¹⁹ См.: Сагитова Л.В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. СПб.; М., 2003, С. 77–124; Шайхитдинова С. Этнонациональные ценности и ориентации культурной элиты Татарстана: опыт культурологического анализа свободных интервью // Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане. Казань, 2001. С. 86–109; Якупова В. 100 историй о суверенитете. Казань, 2001.
- ²⁰ Федотова В.Г. Россия в глобальном и внутреннем мире // Мир России. Сер. Социология, Этнология. Т. IX. 2000. № 4. С. 3–34.